

Лев Триб

Апология Колумба

Лев Триб

Апология Колумба (сборник)

«Литео»

2018

УДК 82/821-821.161
ББК 84-4

Триб Л.

Апология Колумба (сборник) / Л. Триб — «Литео», 2018

ISBN 978-5-00071-949-7

«Дежавю сновидений» посвящена памяти матери автора, сотворившей чудо воскрешения своего сына. «Апология Колумба» – воспоминания автора о своей прошлой жизни, связанной с Христофором Колумбом. «История второго пришествия» – невероятная история второго пришествия Христа с эпилогом от вполне вероятного мессии. Иллюстрации к «Дежавю сновидений» взяты из альбома «Тоledo... Искусство... История», изд-во Artes Graficas Toledo; иллюстрации к «Апологии Колумба» взяты из книги «Путешествия Христофора Колумба», изд-во, ЭКСМО, Москва, 2010 г.

УДК 82/821-821.161

ББК 84-4

ISBN 978-5-00071-949-7

© Триб Л., 2018

© Литео, 2018

Содержание

Дежавю сновидений	6
Апология Колумба	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лев Триб

Апология Колумба

© Л. Триб, 2018

© ООО «Литео», 2018

Дежавю сновидений

Памяти моей матери, посвящаю

Проснулся я рано утром. Сказалось волнение в связи с предстоящей медицинской комиссией в военкомате. Не то, чтобы я очень боялся армии, но перспектива резкого изменения, сложившегося к этому времени уклада моей жизни на долгие три года, удручала. Вызывал беспокойство предстоящий длительный академический отпуск в политехе, в котором я успел закончить два курса вечернего факультета. Но в принципе я был готов к армии, понимая, что у меня нет существенных причин избежать призыва. Коротая время в постели в ожидании рассвета, я отвлекал себя от неприятных мыслей тем, что пытался восстановить в своей памяти окончание сна, который прервался, как это обычно бывает, в самый кульминационный момент. Сам сон я помнил хорошо, поскольку видел его не в первый раз. Впервые он приснился мне в 1948 или в 1949 году, в самый разгар первой, после возрождения государства Израиля, арабо-израильской войны. В то время я учился, правильнее будет сказать мучился, в третьем или четвертом классе школы города Пушкина, пригороде Ленинграда, в котором оказался единственным мальчиком еврейского происхождения с выраженными семитскими чертами, достаточными для выражения всенародного негодования по поводу агрессивности израильских сионистов. Метафорически, я стал мишенью в образе козленка отпущения, поскольку до козла еще не дорос. Затравленный козленок, каковым я был, ровным счетом ничего не понимал: ни почему он сионист, никто они такие, и почему он должен убраться в свою Палестину. Требования или почти дружеские советы, валить в Палестину мне и всем жидам города Пушкина шли от чистых сердец моих ровесников и их родителей, но никто из них не сумел объяснить: где находится эта Палестина и, что я там забыл. Не смогли ничего толком сказать и взрослые. Тогда я жил с родителями и с маленькой сестренкой в одной из комнат, большой коммунальной квартиры, в которой примерно половина съемщиков были родители моих патриотичных одноклассников, вдохновлявших своих юных отроков-антисионистов. Другая половина съемщиков придерживались политики нейтралитета, предпочитая не участвовать в коммунальных разборках по бытовым и национальным вопросам. У многих даже доставало мужества отвечать на мои утренние приветствия и здороваться с моими родителями. У одного из них, дяди Феди, милиционера, я спросил – где находится Палестина и как до нее можно добраться, поездом или автобусом? Дядя Федя серьезно посмотрел на меня и спросил, – а разве твои родители не знают, как туда ехать? Я также серьезно ответил, – что нет, они не знают потому, что все равно они не поедут туда, так как не кому будет отвести на пастбище нашу корову, у которой скоро будет теленок. Дядя Федя кивнул головой и сказал: да, точно, я забыл, что у вас корова, а Палестина, точно не помню, но, если не вру, то она где-то в Африке, или в Египте, да и фиг с ней. Вообще-то он сказал другое слово, но я уже знал, что-то слово плохое и я никогда не должен его повторять. Потом я все же узнал, что Палестина находится на Ближнем Востоке и действительно не далеко от Африки и Египта, так что дядя Федя-милиционер, мог бы и не говорить того плохого слова. Узнал я, что там, когда-то очень давно жили евреи, а потом стали жить другие люди, которые теперь наши друзья. Теперь они воюют с нами, то есть не с нами, а с теми евреями, которые жили там до них. Еще мне объяснили, что те, кто требуют, чтобы евреи убирались в Палестину делают плохо нашим арабским друзьям, так как те совсем не хотят, чтобы евреи возвратились на землю, которую они привыкли считать своей. Вновь тот же сон повторился в разгар кульминационной деятельности сионистов, которых теперь стали называть «безродными космополитами». И снова, также, как четыре года назад, когда началась вредительская деятельность «безродных», мне никто не смог разъяснить, кто собственно такие эти космополиты и почему они безродные. Единственное объяснение, было мне дано

все тем же дядей Федей-милиционером, который сказал коротко, но вразумительно: – космополиты, вы евреи. А почему мы безродные? Как почему, – возмутился дядя Федя, – вы же не уехали на свою родину в Палестину, а променяли ее на корову. Разве не так? Не скажу, что я был удовлетворен его ответом, но я был покорен его искренней убежденностью и даже, как мне показалось, его сочувствием то ли к моему слабоумию, то ли к моим глупым родителям, отдавшим предпочтение безродной корове, а не своей исторической родине. Как ни странно, более полные сведения я получил из политинформаций на школьных переменках и по дороге из школы к своему дому от бывших юных октябрят-антисионистов, ставших к этому времени юными борцами с «безродным космополитизмом». Они доходчиво, теоретически, изъясняясь на дворово-блатном жаргоне, и практически, что наиболее способствовало пониманию азов политграмотности, вдолбили в мою глупую, все еще козлиную голову, что все жида (они же евреи), во главе с жидовскими врачами, внедрившихся в академики и в кремль, отравили всех военных, писателей и даже самого какого-то Жданова. Все мы (жиды) на самом деле и, это написано даже в газете – «международные еврейско-буржуазно-националистические террористы». Мы везде, и в Пушкине тоже, – шпионы, врачи – убийцы, проклятые сионисты и мы все скрываемся под масками и что-то еще, чего я уже не помню. Но то, что мое лицо на длительное время действительно стало похоже на уродливую маску, и эксклюзивный артефакт коллективного творчества юных борцов, всегда готовых на любое дело за Ленина и Сталина, – было излишне натуралистично, а потому и очевидно не только для меня. И наконец, чтобы закончить зарисовки словесного триптиха исторического фона на котором происходили события, запечатленные в том повторяющемся сне, я должен сказать, что и последний просмотр этого сна, с которого я начал этот рассказ, проходил по существу на том же фоне антисемитской агрессии, вызванной теми же источниками. В результате двух предыдущих арабо-израильских войн, Израиль отстоял независимость своего государства. Но арабы, при открытой поддержке своего верного друга Советского Союза, по-прежнему продолжали военные вылазки против Израйля. Где-то за месяц до моего призыва в армию и соответственно за месяц до последнего просмотра моего, пока еще так и не рассказанного сна, президент Египта, верный друг, Герой Советского Союза, Гамаль Абдель Насер, публично заявил, о предстоящей новой войне с Израилем, целью которой станет полное уничтожение Израйля и сбросом, уцелевших в ходе войны евреев в море», добавив при том, что, «как ему кажется, никто из евреев не уцелеет». В целом ситуация для Израйля была очень тревожная, с учетом того, что они не могли рассчитывать на чью-либо помощь, в отличие от Египта и его союзников: Сирии и Иордании. Тем не менее, в основном благодаря авиации, уничтожившей военную технику и, тем самым, полностью деморализовавших войска арабской коалиции, Израиль за шесть дней одержал убедительную победу, несмотря на численное превосходство у арабов боевой техники и сухопутных войск. Я рассказываю об этой третьей в новейшей истории арабо-израильской войне не для того, чтобы позлорадствовать над поверженным врагом своей исторической родины, хотя и не скрываю своего «глубокого морального удовлетворения» ее исходом, но затем, чтобы обратить внимание на то, что уже в третий раз в моей, на то время, не такой уж продолжительной жизни, я наряду со всеми моими семитскими сородичами подвергся воздействию мощной лавины негативной, темной антисемитской энергии, активно генерируемой в самом центре страны в, которой мне довелось родиться. Однако, несмотря на то, что я никогда бы не произнес пафосных слов: – «За детство счастливое наше – спасибо родная страна», поскольку и детства счастливого у меня не было, и для страны я всегда был безродным и космополитом (я до сего времени, так и не понял значения этого слова), я люблю мою страну, как любят своих родителей, какие бы они не были и которых не выбирают, хотя на последнее утверждение у меня другая точка зрения.

Как до меня дошло лишь спустя много лет, именно эта вредоносная болезнетворная энергия, причины распространения которой я описал в работе «Антивирусный экстракт антисемитизма», стимулировала тот вибрационный импульс, который вызывал в моей, тогда еще не

зашлакованой гнусными событиями двух десятилетий моей жизни генной памяти, эпизод из прошлой жизни моей духовной сущности. В виду некоторых обстоятельств, у меня есть основания предполагать, что та, прошлая жизнь прошла в кастильском городе Толедо, в самом центре Испании, в период правления королевы Изабеллы Кастильской и Фердинанда, не помню какого по счету, если не ошибаюсь, то второго. Одним из итогов реконкисты, завершившей длительное мусульманское владычество в Испании и Португалии, явилось насильственное обращение в христианство мусульман и евреев. Причем евреи представляли для испанской короны наибольший интерес, особенно их имущество, которое, согласно указу королевы, подлежало конфискации в случае отказа евреев от добровольного крещения. Ко времени проведения этой чисто по христиански милосердной миссии, проводившейся во славу великого еврея Иисуса Христа, сефарды, так звали испанских евреев, жили в Испании без малого полторы тысячи лет, пользуясь уважением и не редко занимая высокое положение в правительстве, благодаря своему уму и умению вести дела. Та часть евреев, которая не смогла или не захотела уехать, но хотели избежать посягательств на свою жизнь и имущество, добровольно крестились и стали называться марранами. Многие из них продолжали тайно исповедовать иудаизм и совершать религиозные обряды до тех пор, пока по доносам, их не сжигали на кострах инквизиции. Многие евреи, не имевшие возможности уехать из Испании и отказавшиеся от добровольного обращения в христианство, не смотря на формальные королевские указы «о защите еврейских кварталов от нападений соседей – христиан», стали жертвами христиан – погромщиков. Так уж получилось, что впервые я узнал о трагической судьбе испанских евреев не из уроков истории, не из советской энциклопедии, а из своего красочного сна. По драматизму и яркости впечатлений он на долгие годы затмил для меня все шедевры Голливуда, снятых на высококлассной цветной пленке, которые не могли передать натурализм психических и физиологических ощущений, возникавшие у меня после каждого повторения этого сна...

– Я не видел себя. Мне было не до того, чтобы искать свое отражение. Для истории, о которой пойдет дальше разговор, мой вид не имеет абсолютно никакого значения, но визуальное представление о нем помогло бы, приблизительно определить возраст, в котором я был в той жизни, в то драматическое для всех сефардов время, одним из которых я был. Однако, по скорости с которой я убежал из синагоги, можно было сообразить, что я был молодым крепким парнем или мужчиной. В синагоге надеялись найти убежище те из нас, кто не успел перебраться куда ни будь в глубь Европы и те ортодоксы, которые подобно своим предкам, предпочли бы разделить участь защитников крепости Масада, последнего оплота Израиля, противостоявших в течение трех лет римским легионам, но отвергших рабство, выбрав смерть от рук своих отцов, мужей и своих товарищей. Не знаю, как мне удалось бежать, так же как не знаю – находилась ли в осаде сама синагога. Об этом не было упоминания в том сне. Но все было достоверно, вплоть до ощущения физического напряжения в икрах ног, во время бега. Много лет спустя, в зрелые годы этой моей жизни, я посетил Толедо, как и другие города Испании в качестве туриста. Благодаря той поездке и проявлению эффекта дежавю, я сумел восстановить места действий событий запечатленных во сне, предсказавших мне дальнейшую судьбу того прошлого воплощения. Для рассказываемой мной истории будет не лишне более подробно остановиться на некоторых подробностях эффекта Дежавю и, в частности, его проявления во сне. Я приведу несколько выдержек из описания этого эффекта, заимствованных мной из интернет энциклопедии, полагая, что это мое действие не является плагиатом, так как источник из которого я взял эти выдержки – безымянный. Кроме того, я думаю, что авторы, приведенных мной высказываний, если бы назвали себя, были бы только благодарны тем, кто разделяет и, тем более, на собственном опыте подтверждают их убеждения. Я отношу себя к ним и подтверждаю согласие с тем, что оказалось для меня истиной. Более того, я надеюсь, что она (истина) послужит авторитетным свидетельством правдивости моей истории.

– Будучи в состоянии дежавю, человек воспринимает происходящие события, как уже пережитые или ранее виденные. Это касается незнакомых мест, которые кажутся давно знакомыми или определенных событий, когда заблаговременно известны «действия и слова». Люди с античности исследовали этот феномен. По словам Аристотеля, эффект дежавю – это своеобразная игра подсознания, возникающая под воздействием совокупности факторов на психику человека¹.

Эффект дежавю напоминает просмотр киноленты. Человек видел подобный сюжет, но ему не под силу вспомнить, когда именно и при каких условиях. Некоторые пытаются предугадать происходящее, но ничего не получается. Мнения ученых об эффекте дежавю разделились. Одни утверждают, что мозг человека способен кодировать время, другие заявляют, что феномен представляет собой ситуацию, когда человек во время сна видел последовательность определенных событий. При виде схожих обстоятельств в реальности у него появляется этот эффект.

Эффект дежавю во сне.

– Вы видели во сне место, которое уже посещали, но не в реальной жизни? Эти ощущения – проявление эффекта дежавю во сне, который будоражит умы ученых уже сто пятьдесят лет. Светила науки, объясняя феномен, выдвигают разнообразные причины его появления. Рассмотрим три из них.

Первая причина: отголоски прошлого во снах отражают личный опыт человека, полученный в предыдущей жизни. Феномен переселения души. Люди после такого рода снов вспоминали вещи, о которых даже догадываться не могли. К примеру, один путешественник, решивший отдохнуть летом в другой стране, без проблем отыскал на незнакомой территории руины замка, в котором, согласно его сну, он трудился дворецким. Некоторые психиатры утверждают, что сон действительно может воспроизводить события, которые человек пережил в прошлой жизни.

Вторая причина: забытые воспоминания. Ученые, не верящие в переселение душ, объясняют феномен дежавю во сне забытыми воспоминаниями. Речь идет о детских впечатлениях или незначительных событиях, которые были когда-то зафиксированы. Во время сна такие «мемуары» поднимаются из глубин памяти и врываются в сознание.

Третья причина: дар предсказания. Согласно третьей причине, дежавю во сне – предсказания, а не всплывшие на поверхность хранившиеся в глубине памяти воспоминания. В подсознании формируется будущее, а готовая картинка о предстоящих событиях отражается во снах. Теория гласит, что человек в мыслях может проникать и в прошлое, и в будущее... Переживания вызывают сновидения, вселяющие уверенность, что увиденное событие уже произошло. Это феномен вещего сна, который поможет подготовиться к предстоящему испытанию, радости или успеху.

¹ По моему мнению, основным фактором является резонанс (совпадение) или наложение вибрационных характеристик: длины волн, частоты колебаний или характеристик пограничных значений диапазонов, в которые входят эти вибрации, выражающие в волновой, квантовой форме все элементы мироздания и, в том числе «действия и слова», все виденное и в чем принимал участие человек не только в текущей жизни, но и в прошлых, записанных в генной памяти духовной сущности человека. Об этом более подробно и, надеюсь, более понятно написано у меня в разделе Физики Бога, в книге «Миссия проклятых»

Синагога Санта Мария ла Бланка

Ворота Камброн

Монастырь Сан Хуан дела Рейс

Теперь, обогащенный теоритическими знаниями, перехожу к продолжению моей истории, в основе которой мои собственные проявления эффекта дежавю. Итак, я убежал из синагоги, которая в наше время называется синагогой Санта Мария ла Бланка. Нас не должно смущать имя христианской святой, поскольку сразу же после изгнания евреев из Испании, в том числе и из Толедо, синагога была преобразована в христианскую церковь, к счастью, сохранив до наших дней уникальную архитектуру и убранство молитвенных помещений. Оставив

позади синагогу, я, согласно подсказкам своей генетической памяти, побежал в сторону ворот Камброн, одни из самых древних ворот, которые до сих пор многие называют Еврейскими воротами, поскольку когда – то они служили входом в еврейский район Толедо. Если бы мне удалось проскочить не замеченным через эти ворота, я оказался бы вне досягаемости от моих преследователей, за чертой города, или говоря по современному – вне юрисдикции города. Но, уже совсем не далеко от ворот Камброн, я увидел впереди, бегущую навстречу мне группу погромщиков. Даже сейчас, по прошествии почти шестисот лет, меня охватывают отголоски наполнившего всего меня в тот момент страха и безысходности. Я заметался, не зная куда бежать. В результате я оказался перед стеной задней части монастыря Сан Хуан де лос Рейес. В том же справочнике туриста сказано, что монастырь был построен после битвы при Торо (1476 г.), в которой решалась судьба наследования кастильского престола между сторонниками Хуаны и приверженцами молодых принцев Изабеллы и Фердинанда. Вероятно Бог тоже не лишен юмора. Есть определенная ирония в том, что в этом же монастыре, построенном в честь новых властителей престола Изабеллы и Фердинанда, повелевших изгнать евреев из Испании, была решена и моя судьба² в той жизни, ибо я увидел, как в стене, не далеко от меня открылась створка монастырских ворот и, открывший ее монах стал усердно махать рукой, явно призывая меня. Мне некогда было раздумывать, да и был я не в том состоянии. Положившись полностью на помощь бога, я с удвоенной энергией рванул к спасительным воротам и вскоре оказался за стеной монастыря, где меня встретил то ли монах, то ли священник, который молча показал на винтовую лестницу, жестом предлагая мне подняться по ней. Лестница была крутая и узкая, так что для меня было не легко поначалу приноровиться к ее узким ступенькам и резким поворотам почти не различимым в темноте. Наконец, я дошел до самого верха и оказался в колокольне, в небольшом квадратном помещении с четырьмя узкими арочными проемами во всех стенах. Неожиданно раздался звон колокола..., и я проснулся с первым его ударом.

Два первых просмотра этого сна в 1948 и 1953 годах заканчивались на этом месте. В этот же раз, после удара колокола я оказался в месте похожем на судоверфь. Быть может так и было, потому что я увидел остовы двух или трех строящихся кораблей, на одном из которых, по видимому, уже готовому к спуску в море (верфь была на самом берегу и немного вдавалась в залив, переходящий в море) на палубе стояли монах, спасший меня, какой то энергичный господин средних лет, одетый по моде того времени и я. Мой спаситель и господин, которого, как мне запомнилось, звали Христофором о чем-то оживленно говорили, изредка поглядывая в мою сторону, но не обращаясь ко мне. Я же с интересом разглядывал корабельные снасти, мачты, штурвал и прочее судовое снаряжение, пока меня вдруг не потянули за рукав. Я обернулся и, вместо монаха и господина, увидел молодую красивую женщину, с печальными глазами в которых увидел свое отражение. Женщина тыльной стороной ладони коснулась моего лба, словно проверяя – нет ли у меня температуры и тихо произнесла, глядя не на меня, будто всматриваясь вдаль: – Левушка, прошу тебя – останься жив. Я проснулся и, как уже говорил, мучительно пытался вспомнить имя, по которому обратилась ко мне незнакомка. Так и не вспомнив, я стал собираться в военкомат, в котором должна была решиться моя судьба на ближайшие три года.

Медицинское освидетельствование на профпригодность допризывников к военной службе, проходила в самом здании военкомата. Возможно потому, что там было легче обеспечить сохранность необходимого по разнарядке количества призывников. Было проще предупредить вероятность побегов различного рода уклонистов, а также возможной пересортицы за

² Когда я сказал, что в монастыре была решена моя судьба, то я имел ввиду не только мое спасение от грозившей мне смерти, но и то, что благодаря моему спасителю – монаху, моя судьба в той, испанской жизни, оказалась на длительное время связана с великим Христофором Колумбом. Его судьба удивительным образом, также как и моя, решалась в стенах того же монастыря и теми же властителями Испании, но более всего молодой королевой Кастилии – Изабеллой. Но это уже другая история. Возможно, я расскажу ее, но не раньше, чем закончу рассказ этой.

счет инвалидов призывного возраста, которых штатские врачи могли по ошибке счесть достойными для выполнения конституционного долга. Увы, это не моя ехидная шутка, так бывало, чему я сам был свидетелем, сопровождая инвалида по психиатрии домой в Ленинград, комиссованного только через год службы. Ему я был обязан внеочередным отпуском на целых пять суток. Как говорить не было счастья, так чужое несчастье помогло. Правда мой подопечный, которого я благополучно сдал в объятия его родителей, был рад не меньше меня. Допризывники в одних трусах, прижавшись к стенам коридора, ожидали вызова. Среди них стоял и я, мелко подрагивая вместе с остальными новобранцами, от холода. Конец ноября, как и затем зима, была на редкость холодной. Наконец, вызвали меня. Я вошел, и бодро, стараясь не стучать зубами, строго, по заранее проведенному с нами инструктажу, доложил: – допризывник Триб для прохождения медицинской комиссии прибыл, и совсем не по инструкции, добавил от себя – здравствуйте. Однако, на мое приветствие никто, из сидящих за большим столом трех или четырех военврачей в белых халатах, не ответил. Уточнив мои анкетные данные, мне велели повернуться к ним спиной, спустить трусы, затем повернуться и стать к ним лицом все так же со спущенными трусами. Не знаю, что интересного они увидели, но мне показалось, что в таком виде я простоял довольно долго, успев представить себя в образе храброго солдата Швейка. Такое сравнение вызвало на моем лице улыбку, вероятно столь же идиотскую, как и у Швейка, потому что тотчас последовала команда надеть трусы и ответить на вопрос: – чем болел? Тон, каким был задан вопрос не оставлял сомнений в том, что комиссия ожидала от меня подробного рассказа о многих, не отмеченных в моей медицинской карте болезнях, в том числе и психических, но вопреки их ожиданиям, я довольно глупо переспросил – когда? – Что когда? и как мне показалось также глупо, переспросили меня. В детстве, чем болели?

– Ангиной, приободрившись ответил я. Операции были? Да, вырезали последние гланды. Теперь улыбалась комиссия. – И что, много гланд у тебя вырезали? – А кто его знает, то есть, я не знаю, ответил я. Ладно, сказал, главный в комиссии, еще чем болел? Да вроде, как ничем больше, разве, что когда совсем маленьким был. И чем тогда болел? Кажется, какой-то пелагрой, точно пелагрой.

– Триб, ты что шутить пришел себя.

– Так я и не шучу. А, что пелагрой болел, так – то мама мне говорила и уж точно не шутила, – твердо ответил я.

За столом комиссии началось, не понятное для меня оживление. Один из врачей вышел и вскоре вернулся с двумя другими врачами. – Вот этот, призывник Триб, утверждает, что переболел пелагрой и похоже не врет. – Вы хотите сказать, что он остался жив? Кажется, совсем не давно я где-то уже слышал эти слова, промелькнуло у меня в голове.

– Вероятно, как видите, словно еще продолжая сомневаться, – ответил тот, кто привел других врачей. – Триб, с участием в голосе, спросил главный в комиссии, расскажи подробнее, все что помнишь о том. Где, когда заболел? Как лечили? Хотя про это не надо. Короче расскажи, что знаешь, попросил он.

– Да мне и рассказать то нечего. Я мало, что помню. Ведь мне было тогда всего три или четыре года. Знаю, что лежал я палате смертников, в больнице. Кажется, в Ташкенте. Мы там в эвакуации были.

– Как в палате смертников, ты опять шутишь, – сурово спросил главный. – Не шучу, так мать говорила. Я не все время был в этой палате, а только последние дни, когда отказались от меня, потому что считали меня безнадежным. А я, как видите обманул всех, и выжил. Мама говорила, что об этом, ну то есть о моем выздоровлении, даже в какой-то газете написали. Больше вопросов ко мне не было. Меня признали годным к не строевой службе, которую я относительно благополучно прошел в стройбате московского военного округа. Через неделю, за день до обозначенной в повестке дня явки на призывной пункт, дома состоялся прощальный ужин. Мама и сестра приготовили все любимые мной блюда, которые только возможны были в

начале зимы. Меня тронуло их внимание, но кажется они перестарались, потому что в результате, по крайней мере целый год, я с тоской вспоминал мясо в кисло сладком соусе, вареники с картошкой и творогом со сметаной, студень, изумительный наполеон, тающий во рту, хрустящие рогалики... Очевидно родители и сестра надеялись через мой желудок сохранить как можно дольше мою память о них и почтовый адрес родного дома, но должен признаться, что чаще, как минимум три раза в день, как я сказал в течение года я вспоминал вкус тех яств, которые по прежнему дразнят мое воображение. Оставшиеся от нашей прощальной вечерней трапезы рогалики с вишневым вареньем, мама стала упаковывать в кальку, а затем в газету, по привычке предварительно просматривая, чтобы не завернуть рогалик Хрущевым или, не дай бог, в старую газету со Сталиным. Заметив мой удивленный взгляд, мама сказала: – Левушка, это возьмешь с собой, угостишь ребят. Мама продолжила еще о чем говорить, но я не слышал, потому что в моей памяти мгновенно возникло окончание сна, виденного мной накануне врачебной комиссии, которое я тогда безуспешно пытался вспомнить. Не знакомая молодая красивая женщина, и как сейчас я заметил, в чем-то похожую на маму, явственно произнесла: – Левушка, прошу тебя, останься жив. В том сне эта просьба была обращена ко мне. Мне стало понятно, почему я тогда не запомнил имени, обращенному ко мне. Тот сон был зарисовкой драматического эпизода из моей прошлой жизни, в которой у меня было другое имя. Тотчас возник вопрос – возможно ли... Еще не успев для себя до конца сформулировать возникшее предположение, я прервал маму и, глядя ей прямо в глаза, пытаюсь увидеть в них свое отображение, то которое видел тогда в глазах не знакомой женщины, попросил маму вспомнить: не произносила ли она, когда-нибудь, может быть и во сне фразу – Левушка, останься жив. Неожиданный вопрос и нетерпение прозвучавшее в моем голосе удивило всех, но более всего маму.

– Откуда ты знаешь? Ты же спал, я видела. Не ужели я разговаривала во сне, а мне казалось, что я спала.

– Мам ты не волнуйся. Вероятно, так и было и говорила ты не вслух, а во сне. Я потом объясню, как услышал тебя, но сначала ты должна рассказать, что ты видела или, что тебе приснилось той ночью. И вообще, пожалуйста, расскажи нам о себе, все, что помнишь, с самого детства. Стыдно сказать, но мы ничего, или почти ничего не знаем о тебе.

Перед такой просьбой, продолжение которой, сама заинтригованная, мама ожидала услышать от меня, и перед натиском моей сестренки, бурно поддерживавшей меня, мама не могла устоять и начала рассказывать, часто останавливаясь, вспоминая или обдумывая то, о чем можно сказать, а о чем лучше промолчать. Будет лучше, если я сам перескажу ее рассказ, убрав из него паузы и не всегда стройные, не совсем логически построенные воспоминания, полностью простительные маме, учитывая ее волнение и возраст.

– В памяти маленькой Рахиль, так звали мою маму, остались смутные расплывчатые образы ее мамы, папы. Но лучше она запомнила своего дедушку, хотя и не помнила чьим папой он был. Тот день был последним и первым днем ее детства, который она запомнила, прежде чем ее втиснули в собачью конуру. Не запомнив черт лица никого из них, она отчетливо видела испуг на лицах маменьки и папочки. Видела подрагивающее лицо и трясущиеся руки своего старого дедушки, нашептывающего одну и ту же молитву, единственную, которую он помнил от начала и до конца: – Шма Израэль. Адонай элла эйну, Адонай эход... Папочка обреченно повторял: – что делать, что делать, я не знаю, не знаю... Мама казалась спокойней отца и дедушки, но и она, не выдержав крикнула: – хватит причитать. Никакой бог нам не поможет. В этот момент открылась дверь и в комнату, без стука, вбежала соседка тетя Оксана, которую маленькая Рахиль хорошо знала и любила за то, что она позволяла ей играть и дружить с большой лохматой собакой, которую так и звали Дружком.

– Быстро, как у вас говорят бикицер, соберите Рахиль, я спрячу ее. Нет, только ее, вас не могу, вас найдут. Быстрее, шевелитесь, черные скоро придут. Слова, которые запомнила Рахиль и, как оказалось на всю жизнь, были слова дедушки, к которому ее подвели для прощального поцелуя. Запомни маленькая, Он есть, он точно есть, я знаю это и последние слова были те же – Шма Израэль, Адонай элла эйна... Тетя Оксана вырвала Рахиль из объятий плачущих родителей, крепко взяла ее за ручку и они побежали через старый, не заделанный пролом в заборе позади дома, в сад, с мазанкой Оксаны, высившимся на не большом пригорке. Добежав до собачьей будки, из которой уже выбежал навстречу своей подружке Дружок, Оксана остановилась и посмотрев по сторонам, утвердительно сказала сама себе: здесь не найдут, Дружок не позволит. Наклонившись к Рахиль, Оксана зашептала Рахиль в самое ушко: Рахиль, гарная моя малышка, посиди со своим дружком в его домике и не выходи из него, пока я сама не приду за тобой. Девочка, ты поняла меня? Сиди тихо, а не то... Дружок будет с тобой и не даст тебя в обиду, верно я говорю. Последние слова были адресованы собаке, которая всем своим видом показывала, что на нее вполне можно положиться. Поцеловав и перекрестив малютку Рахиль, Оксана втиснула ее в будку под бок радостно повизгивающего Дружка. Утомленная быстрой перебежкой, перепуганная не понятными Рахиль дневными событиями она, уютно пристроившись на пушистом боку своего дружка, моментально уснула, изредка вздрагивая во сне всем тельцем. Стемнело, когда Рахиль услышала голос тети Оксаны. – Вставай дитятко, просыпайся маленькая, пойдем в хату. Рахиль проснулась, не понимая где она, но увидев Дружка, вспомнила.

– Тетя Оксана, ты отведешь меня домой, а то уже темно, мама не разрешает мне ходить одной вечером.

– Нет малышка, мы пойдем ко мне в хату, поживешь пока со мной и с Дружком, пока не приедет твоя сестра.

– А как же мама, она не будет меня ругать? – Нет солнышко, не будет, теперь уж никогда не будет. Оксана поцеловала девочку и повела ее к себе в хату.

Прежде чем я продолжу рассказ, дам не большую справку о времени с которого начались воспоминания маленькой Рахиль.

Моя мама родилась в 1913 году в украинском городе Новомиргороде. Город был основан в 1740 г. и был заселен в основном выходцами из-под Миргорода Полтавской губернии, поэтому и получил такое название. Позднее он стал уездным городом Херсонской губернии. Почти до середины 19 века город был подчинен ведомству военных поселений. После отмены военных поселений в Новомиргороде проживали около 6000 человек, в том числе в отдельном районе города, за чертой оседлости, примерно до пятисот евреев. В настоящее время Новомиргород входит в состав Кировоградской области Украины с населением 13000 с небольшим человек. В городе имеются несколько памятников и исторических зданий, оставшихся с дореволюционного времени, например: кавалерийские казармы, крестьянская хата, памятник жертвам голодомора, лекарня 1913 года, краеведческий музей, три братских могилы и ни одной могилы евреев, как и ни одного другого напоминания о всех 500 евреях зверски перебитых во время погромов.

Для полной ясности и полноты картины приведу выдержку из Википедии:

«По мнению историков, в 1918–1920 годах только на Украине приблизительно в 1300 населенных пунктах произошло свыше 1500 еврейских погромов. Было убито и умерло от ран, по разным оценкам, от 50 до 200 тысяч евреев. Около 200 тысяч было ранено и искалечено. Тысячи женщин были изнасилованы. Около 50 тысяч женщин стали вдовами, около 300 тысяч детей остались сиротами. Только Добровольческая армия совершила почти 300 погромов, а это 17 % от общего их числа.»

В 1918 году, когда маленькой Рахиль, моей будущей маме, было 6 лет, топорами были зарублены: ее отец, мать и дедушка, мой прадед. Мама была спасена украинкой Оксаной и воспитана старшей сестрой Руфимой, которая по счастливой случайности в день погрома в городе не было. Руфимь фактически заменила младшей сестренке мать и отца, вплоть до самого замужества Рахиль. С началом войны, их связь прервалась. После освобождения Украины, мама не однократно посылала запросы на розыск сестры, пока ей не прислали официальный ответ, что она значится в списках «пропавших без вести». Фактически такой ответ означал, что Руфь была умерщвлена в каком-то концлагере, как и сотни тысяч евреев, во время второй мировой войны.

– Потом мы встретились с папой и поженились. Потом родилась Оленька – ваша сестренка, которую вы уже не застали, но вы видели ее на фотографии. Ей там ровно пять лет. Через год ее не стало. Не много помолчав, мама продолжила. Вскоре началась война с Финляндией и папу призвали на фронт, где он был, пока его не ранили. После госпиталя папа вернулся домой. А потом опять началась война, на сей раз с немцами. Мы с тобой, тебе было год или полтора, едва успели уехать из Пушкина в Ленинград к вашему дяде, который уже был на фронте и...

– Наум, обратилась она к папе, вы вроде были на одном фронте и чуть ли не в одной части, ведь так? Все правильно сказала.

– Мы были вместе до 43 года, а затем его комиссовали по контузии.

– А ты папа? – спросила Зина.

– А я был еще примерно с год, пока меня не ранили, после госпиталя комиссовали и меня, – ответил папа.

Мама продолжила: хорошо, что мы с тобой успели уехать. Буквально через два или даже на следующий день в Пушкин вошли фашисты. Что с нами было бы, если бы не успели уехать, лучше не спрашивайте. Всех евреев, кого я знала в Пушкине, которые не успели или, которым не к кому было уехать, всех, и даже детей расстреляли. Конечно спасибо дяде Самуилу, если бы не он, если бы каким-то чудом он не сумел передать нам ключи от своей комнаты в Ленинграде, пока мы еще были в Пушкине без немцев, то, чего говорить, не сидели бы сейчас здесь. Не знаю, может, в самом деле бог есть и он помогал нам, или так уж само собой случилось, но получалось, что нам с тобой, Левчик, везло. Мы ведь и из Ленинграда успели уехать последним поездом, вернее предпоследним. Следующий за нами поезд полностью разбомбили фашисты. Что говорить, повезло нам. Когда Ленинград взяли в блокаду, мы уже были в Кирове, а уж оттуда, месяца через два или три, не помню, мы поехали в Ташкент, в товарном вагоне. Все лучше, чем на крыше. Да, детки мои, и так было. Вот там то, не сразу, кажется через полгода, может и раньше, ты, Левушка, заболел. Заболел какой-то пелагрой. Не спрашивайте, я так и не знаю, что это за болезнь. Да что я, врачи сами толком не знали. Только представьте себе его, такого ангелочка с открытки, и, что с ним стало: на моих глазах, я не преувеличиваю, мой кудрявый ангелочек превратился в сморщенного старичка, со ссохшейся прозрачной кожей на лице, ручках, на всем тельце. Врачи сказали, что у тебя отмирают клетки и они бессильны что-либо сделать. Они говорили, что если бы меня положили в московскую больницу, то там, возможно, сумели бы помочь, но здесь в Ташкенте, вы же сами понимаете... Я понимала и не понимала. Не могла понять, не могла смириться с тем, как сказал врач, чтобы я готовилась к самому худшему. Конечно, я видела и понимала, что врачам очень нелегко, что больница переполнена, что не хватает медикаментов, не хватает больничных коек, не хватает врачей. Детских врачей вообще не было, потому что это была городская больница, общая для раненных, для стариков и для детей. Кажется, я все понимала, кроме того, за что, почему я должна быть готовой потерять еще и сыночка. В конце концов, переживания и усталость сломили меня, и я заснула возле тебя, на той же койке, на которой ты лежал, уже в другой палате, которую называли палатой смертников. Называли так, потому что в ней находились вперемешку еще живые, от которых врачи отказались и, которые со дня на день должны были умереть, и уже умершие,

которых вывозили из палаты по ночам. Я уснула. Мне приснился мой дедушка, впервые с того дня, как меня подвели к нему, чтобы проститься. И мне до сих пор трудно поверить, наверно потому, что я не могу понять, был ли он во сне или это был его призрак, но, кем бы он ни был, он очень отчетливо сказал мне:

– Вспомни Рахиль, что я сказал тебе перед своей смертью, я сказал: Он есть, он точно есть. Я часто вижу его. Люби его всем сердцем, всей душой...

Дедушка исчез, в палату завезли новенького пока еще живого или уже... Я проснулась или просто очнулась, не знаю. В моей голове внезапно вспыхнул ярко голубой свет и мне стало как будто легче. Я взяла твою высохшую ручонку и сказала, может быть и вслух: – Бог, не знаю есть ли ты или нет, но если есть докажи это – оставь в живых моего малыша. То была моя первая и единственная просьба к тому, в кого я тогда не верила. Лишь страх перед новой утратой, сломил во мне упрямство безверия. Всю долгую ночь я держала твою холодную ручонку в своей руке и беззвучно повторяла одно и то же: – Левушка, сделай чудо, останься жив. Я просила только тебя, не бога, только тебя. Видно под утро, все так же держа твою ручку, я задремала и внезапно проснулась от того, что почувствовала в своей ладони шевеление пальчиков твоей ручки. Я открыла глаза, посмотрела на тебя. Левчик, ты, мой маленький, смотрел на меня. Не просто смотрел. Ты улыбался. Это было так неожиданно, что в первый момент у меня возникло странное, не вероятное ощущение, что это не ты смотришь на меня, а мой дедушка улыбается мне. Он казался таким реальным, чуть ли не осязаемым, что я выпустила твою ручку из своей, встала и потеряла ладонями свои виски. Потом опять посмотрела на тебя. Ты продолжал улыбаться, но затем личико твое сморщилось, и ты заплакал. То были первые звуки, которые ты издал за все время болезни. Они очень напоминали те, которые вы, ты и Зинуля произвели сразу, как только появились на свет. С этого дня ты быстро пошел на поправку. Даже врачи были поражены. Левушка, ты сделал чудо, ты сделал его.

Мама, невыразимо красивая, смотрела на меня и вновь улыбалась чуду моего воскрешения к жизни, не сознавая, что это чудо сотворила она сама, своей любовью. Я не сказал маме тогда, что это ей я обязан своему второму рождению. Не сказал, потому, что в то время еще не достиг прозрения, способности видения и понимания сути многого из уже пережитого, и не только в этой, еще продолжающейся жизни. Случается иногда, когда латентная способность предвидения, в обычных обстоятельствах скрытая в нашем подсознании, внезапно обнаруживает себя и тогда мы видим и постигаем многое в свете будущего, в свете прозрения. Мое прозрение пришло ко мне, к сожалению, слишком поздно, после того, как мама покинула наш земной мир и ее душа продолжила жизнь рядом с душами ее родителей, ее сестры, с душой нашей сестренки и тети Оксаны. Незадолго до того, я работал над циклом очерков под общим названием «Миссия Проклятых» и ее продолжением – «Великое посвящение». Я нашел много примеров великих и широко известных личностей, обладающих способностями действенной духовно-энергетической инициации людей. Для большей ясности я приведу выдержку, которой заканчивается первая часть:

...Таким образом, евреи внесли величайший вклад в мировую культуру, создав универсальные ценности, входящие в сокровищницу человеческого духа, выработав идеи социальной справедливости, этического идеализма и мирового братства, воодушевляющие человечество. К этим доводам необходимо добавить еще один, без которого были бы невозможны все остальные «дары» евреям человечеству, – это «дар» практически постоянной, никогда не прекращающейся инициации всех видов, включая энергетическое духовное воздействие через те же «универсальные ценности» вложенные евреями во все сферы человеческого духа. И это духовно – альтруистическое действо осуществлялось каждым евреем, достигнувшем того уровня развития, который позволял инициировать остальных, независимо от того, – принадлежал ли еврей

к общине, или же он жил сам по себе. Главным было принадлежность к «нации духа», а не к диаспоре...

Проблема была в том, что я долго не мог найти пример обычного человека, принадлежащего к «нации духа», достигнувшего уровня духовного развития достаточного для инициации других. В день тридцатой годовщины, со дня ухода из жизни моей матери, я смотрел на фотографию моих родителей, на которой они были запечатлены молодой красивой парой, в возрасте в три раза меньше моего нынешнего. Фотография была помечена 4-м сентября 1939 года, днем пятилетия со дня их свадьбы, за год до моего рождения. Я долго смотрел на них и представил; сколько им пришлось пережить в последующие пять лет их жизни. Я смотрел на маму и до меня, наконец, дошло, что она и есть самый убедительный пример обычной еврейской женщины, достигшей той наивысшей духовной, энергетической концентрации, которая выразилась в ее абсолютной форме – любви, подобной, ибо и она есть выражение, – любви самого бога или того, кого мы считаем творцом мироздания. Любви, только благодаря которой стали возможны чудеса воскрешения из мертвых библейского Лазаря и дочери Иаира, сделанные Иисусом Христом и чудо моего воскрешения, сделанного моей матерью Рахиль.

Фото родителей, 1939 г.

На этом я заканчиваю первую часть Триптиха – Дежавю сновидений.

Апология Колумба

Апология – защитительное письмо, сочинение, текст, направленный на защиту чего-либо или кого-либо.

В рассказе «Дежавю сновидений» я в каком-то смысле анонсировал продолжение, в котором обещал рассказать каким образом моя судьба в прошлой жизни оказалась связанной с Христофором Колумбом. Могу успокоить читателя. О моей судьбе будет сказано не больше чем это необходимо для сохранения целостности повествования с первой частью, остальное – Колумбу. На сей раз источником информации, взятой в основу рассказа, вместо сомнительных проявлений «феномена эффекта дежавю во сне», станут не менее сомнительные источники, как получение сведений из опытов «трансцендентальной медитации» в сочетании с достоверными сведениями из дневников самого Колумба, и свидетельств о нем, оставленных биографами и исследователями его жизни и деятельности. Кое-что о трансцендентальной медитации (ТМ):

Как и многие другие медитации, своему появлению ТМ обязана индийскому йогу Махешу Махаришу, который известен как основатель движения своего имени. В переводе ТМ означает – «Выход за пределы мысли». Честно скажу, не представляю, что значит выйти за пределы того чего нет и даже, если они (мысли) иногда появляются, какие пределы могут ограничить их выход в пространство сознания. Короче, для меня этот вопрос оказался слишком сложным. Лишь только после внимательного изучения техники медитации и многократного ее опробования, я реально осознал силу ее действия. Постоянное применение практики ТМ дает замечательные эффекты медитативного познания, которые не уступают, а по количеству проявлений, значительно превосходят эффекты Дежавю. Подробности техники ТМ можно найти в интернете. Я же от себя дополнил ТМ самогипнозом, по существу ретрогипнозом, который еще называют регрессивным. Благодаря ему мне удавалось пробуждать воспоминания о той своей прошлой жизни, события из которой легли в основу этого рассказа. Придать ему большую достоверность мне помогли выдержки о людях и событиях той эпохи, заимствованных мной из дневников и писем Колумба и из книг, о его жизни и деятельности. Были еще несколько, на первый взгляд, случайных факторов, тем не менее, сыгравших не малую роль в стимуляции работы над продолжением рассказа. В марте 2013 года, я рыскал в интернете в поисках чего – ни будь интересного и наткнулся на статью «500 лет открытия Америки». Статья заинтересовала меня не только содержанием. Она пробудила во мне воспоминание о мимолетной встрече с героем этой статьи Христофором Колумбом, которая, напомним, произошла в ночном дежавю, и о которой я обещал рассказать моим читателям. Возникло желание узнать – продолжилось ли наше знакомство с Колумбом. К этому моменту, я уже достаточно хорошо владел техникой медитации Махариши и через неделю ежедневных медитаций я узнал кое-что из своей прошлой жизни. Я получил ответы на вопросы, возникшие у меня после прочтения статьи и на вопросы пятнадцатилетней давности, которые я проигнорировал в канун встречи 2000-года. Тогда все человечество в едином экстазе встречало новое третье тысячелетие и новый 21 век. Моя семья в полном составе, проведив без сожалений старый век и год, в ожидании боя курантов на Спасской башне кремля, развлекала себя тем, что, в отличие от большинства человечества, не заглядывала в свое будущее, а узнавала свое прошлое по, принесенным кем – то из детей, таблицам. Первую такую таблицу обнаружил исследователь египетской цивилизации Говард Карте. Он открыл для мира гробницу фараона Тутанхамона, а вместе с ней и сакральные данные, сведенные древними жрецами в таблицы нумерологии. Таким образом, сделав не сложные вычисления, я узнал, что в прошлой жизни жил в Испании, где – то в конце! 5-го и в начале 16-го века. Моя деятельность определялась перечнем профессий, из которого можно

было предположительно узнать, чем я занимался в той жизни. Я мог быть картографом, строителем судов, навигатором, мореплавателем, судовым врачом или фельдшером. Как видите, все профессии так или иначе связаны с морем. Вскоре прозвучали куранты, и я забыл о своем вероятном прошлом еще на 15 лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.